

УДК 341.4

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ
УГОЛОВНЫХ ТРИБУНАЛОВ В РАМКАХ ДОКТРИНЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ (НАЦИОНАЛЬНОЙ) УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ**

Кибальник А.Г.

д.ю.н., профессор

Академия Права и Национальной Безопасности

Южный Университет (ИУБиП)

Аннотация: Исследование современного состояния и направлений развития международного уголовного права дает основания полагать, что в настоящее время правоприменительная деятельность международных уголовных трибуналов прекращена, а юрисдикцию Международного уголовного суда все еще не признают отдельные государства. В результате действующий орган международной уголовной правосудия не способен эффективно решать поставленные перед ним задачи.

Ключевые слова: международное уголовное право; международная уголовная юстиция; международный уголовный суд; международный трибунал; международное правосудие.

**ON THE RELEVANCE OF DECISIONS OF INTERNATIONAL
CRIMINAL TRIBUNALS IN THE DOCTRINE OF INTERNATIONAL
(NATIONAL) CRIMINAL JUSTICE**

Kibalnik A.G.

Russia, Rostov-on-Don,

Academy of Law and National Security

Southern University (IMBL)

Annotation: The study of the current state and directions of development of international criminal law gives grounds to believe that at present the law enforcement activities of international criminal tribunals have ceased, and the jurisdiction of the International criminal court is still not recognized by the

sovereign States. As a result, the current international criminal justice body is not able to effectively address its tasks.

Keywords: International criminal law; international criminal justice; international criminal court; international Tribunal; international justice.

В современном мире все чаще звучат идеи о том, что имеющиеся международное уголовное право и международная уголовная юстиция не оправдывают возложенных на них надежд, о коллапсе всей системы международного права как мы его знаем, о необходимости построения новых основ международного права и т.д.

Не вызывает сомнения, что существующие акты международного уголовного права главным образом основаны на так называемом Нюрнбергском наследии: документами Нюрнбергского процесса (Устав Нюрнбергского трибунала, его Приговор, свод принципов международного права, отраженных в Уставе и Приговоре); фундаментальные конвенционные документы (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним от 8 июня 1977 г., Определение агрессии от 14 декабря 1974 г. и др.). На основе вышеуказанных документов был проведен Токийский процесс, приняты уставы современных международных трибуналов, Римский Статут МУС [1, 6–8]. Следовательно, практически все значимые документы международного уголовного права, по сути, можно считать наследием Нюрнбергского процесса.

И российские, и западные ученые, как правило, солидарны в признании ведущей роли «Нюрнбергского наследия» для всей системы современного международного уголовного правосудия. В этой связи не вызывают беспокойство попытки отдельных авторов подвергнуть ревизии значимость самого Нюрнбергского процесса и принятых на нем либо под его влиянием правоприменительных документов.

Представляется весьма опасным то обстоятельство, что в результате пересмотра итогов «Нюрнбергского наследия» под вопросом может оказаться юридическая сила основополагающих актов международного права, включая Женевские конвенции о защите жертв войны, Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и т.д.. Полагаем, что такой подход может подорвать стабильность мировой международно-правовой системы.

Следует отметить, что определение юридического значения решений современных международных трибуналов в их «материально-правовом» смысле – наиболее позитивный результат деятельности современного международного правосудия. Некоторые зарубежные авторы отмечают «революционный» характер решений современных международных трибуналов *ad hoc*, при применении конвенциональных и общеправовых норм о геноциде, военных преступлениях. Следует согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что решения международных трибуналов также сыграли огромную роль для понимания преступности деяний и интерпретации признаков отдельных преступлений по международному уголовному праву и решения иных вопросов материального права [2, 10–14; 3, 110–112; 4, 45–50; 5, 90–93].

Кром того, решения международных трибуналов также весьма значимы и для понимания признаков преступления и иных вопросов материального права в национальном уголовном законодательстве. Такое положение обусловлено обязательностью решений современных международных трибуналов и касается всех субъектов международного права (в т.ч. и РФ), признающих юрисдикцию и деятельность МТР и МТБЮ. Однако, следует отметить, что в самих решениях МТБЮ и МТР говорится об отсутствии правила обязательного следования при вынесении последующего решения по уже сформулированному в предшествующем решении правилу (см., например, решение МТБЮ по делу *Prosecutor v. Z. Kupreskic* от 14 января 2000 г.). В любом случае, международный и национальный государственный

правоприменитель обязан следовать решениям международных трибуналов «ad hoc» и прежде всего при квалификации таких преступлений как преступления против мира и безопасности человечества. Данная обязанность прямо признается в национальной уголовной юстиции ряда государств [6, 44–46].

Также следует отметить, что далеко не каждое решение международных трибуналов положительно воспринималось в доктрине международной (национальной) уголовной юстиции.

Например, неоднозначно восприняты решения МТБЮ, создавшие концепцию «совместного преступного предприятия» («joint criminal enterprise», далее – JCE) в трех формах: «основной», «системной» и «расширенной». При наиболее опасной – «расширенной» форме JCE – уголовная ответственность наступает за преступления, которые вышли за границы общего плана и даже совершены иными лицами. Обязательным требованием к субъективной стороне участника «расширенной» формы JCE является установление того обстоятельства, что он «должен был допускать риск» совершения преступления третьими лицами. Таким образом, соучастие в совершении преступления в данной форме не требует обязательного фактического физического присутствия и оказания физической помощи. А «акт, вносящий свой вклад в совершение преступления, и само совершение могут быть географически и по времени дистанцированы» (см. решения МТБЮ по делам Prosecutor v. M. Krnojelac от 17 сентября 2003 г.; Prosecutor v. M. Vasiljevic от 25 февраля 2004 г.; Prosecutor v. R. Krstic от 19 августа 2004 г.).

Концепция JCE получила серьезную критику, так как ее положения допускают возможность ответственности за «прогнозируемые действия третьих лиц», включая эксцесс исполнителя, что «подрывает принцип индивидуализации уголовной ответственности». По этой причине, по мнению ряда авторов, в «более выигрышном положении» находится позиция МУС, в решениях которого начата разработка концепции «сложного

соисполнительства» т.е. когда исполнителями признаются любые лица, действующие совместно при осуществлении общего плана, если их поведение стало «необходимым условием» наступления преступного результата [7, 175–177; 8, 236–239].

Однако, ценностью с точки зрения квалификации обладают и решения МТР, МТБЮ, в которых отражены правила установления объективных и субъективных признаков таких преступлений как геноцид, преступлений против человечности и военных преступлений. Отметим некоторые из них:

1. Определение контекста «широкомасштабного» и (или) «систематического» нападения на гражданское население для квалификации преступлений против человечности. По смыслу решений МТБЮ (по делам *Prosecutor v. D. Tadic* от 7 мая 1997 г.; *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez* от 26 февраля 2001 г.; *Prosecutor v. M. Naletilic and V. Martinovic* от 31 марта 2003 г.) нападения на гражданское население не обязательно должны быть и систематическими, и широкомасштабными одновременно – достаточно установить хотя бы одно из этих «контекстуальных» условий.

2. Признание того обстоятельства, что прямое или опосредованное участие государства в совершении преступлений против человечности (в виде осуществления государственной политики или плана) не является обязательным их признаком. Наличие такого опосредованного участия может быть важным в процессе доказывания, но не для квалификации преступления против человечности (решение МТБЮ по делу *Prosecutor v. T. Blaskic* от 29 июля 2004 г.).

3. Установление принадлежности к защищаемой группе – «это в основном субъективное, а не объективное понятие» при квалификации геноцида так как потерпевший, принадлежащий к группе предназначенной для уничтожения», «выбирается преступником не из-за его личных качеств, а из-за его принадлежности к стигматизируемой группе» (решения МТР по делам *Prosecutor v. G. Rutaganda* от 6 декабря 1999 г.; *Prosecutor v. L. Semanza* от 15 мая 2003 г.).

4. Факт полного или частичного уничтожения защищаемой группы как последствие, к которому стремится виновный, не влияет на юридическую оценку актов геноцида. Так как для квалификации преступления как геноцида не требуется «реального уничтожения» защищаемой демографической группы либо даже установления «точного числа жертв» такой группы (решения МТР по делам *Prosecutor v. J.-P. Akayesu* от 2 сентября 1998 г.; *Prosecutor v. A. Simba* от 13 мая 2005 г.).

5. Установление особой цели действий виновного при геноциде и отличающей данное преступление «от общеуголовных преступлений и преступлений против международного гуманитарного права». Такая «геноцидальная цель» может проявляться двояко: либо в стремлении уничтожить, возможно, большее количество членов защищаемой демографической группы, либо в стремлении уничтожить избранных ее представителей. В любом случае, каждый совершенный акт геноцида «должен ставить под вопрос» само существование защищаемой демографической группы (решения МТР по делам *Prosecutor v. S. Kayishema and O. Ruzindana* от 21 мая 1999 г.; *Prosecutor v. I. Bagilishema* от 7 июня 2001 г.).

6. Определение «контекстуального элемента» военного преступления как фактического существования вооруженного конфликта и «очевидной связи» совершенного военного преступления с этим конфликтом. Для квалификации преступления в качестве военного вовсе не обязательно, чтобы оно было совершено на территории, непосредственно охваченной вооруженным конфликтом. Достаточно установить, что «инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта» (решения МТБЮ по делам *Prosecutor v. D. Kunarac et al* от 22 февраля 2001 г.; *Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez* от 26 февраля 2001 г.).

Разумеется, подавляющее большинство решений международных трибуналов в «материально-правовом» смысле обладает высокой

значимостью для понимания объективных и субъективных признаков преступлений против мира и безопасности человечества (человечности). И следовательно подобные решения должны использоваться не только в международной, но и в национальной уголовной юстиции. Можно согласиться с У.А. Шабасом в том, что правовое наследство деятельности МТР и МТБЮ «составляет развитый и сложный корпус права, в котором исследованы определения и область применения дефиниции военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида, также как и различные виды участия в этих преступлениях, формы уголовной ответственности за них, реабилитирующие и смягчающие обстоятельства, проблемы прав обвиняемых и принципы вынесения наказаний» [9, 44].

Робертс А., в своих научных работах указывает на некоторую озабоченность и вызов Западной гегемонии в международном праве принятием 25 июня 2016 г. совместной декларации России и Китая о повышении роли международного права, названной некоторыми авторами настоящим «вызовом Западной гегемонии в международном праве» [10, 291–292]. По существу и Россия и Китай не признали ничьей «особой» роли в международном праве и призывают строить международный правопорядок на равных основаниях все государства.

Если сама постановка этого вопроса вызывает неприятие у стран Запада, то цель реального создания эффективно действующей системы международной уголовной юстиции становится все более и более недостижимой. В российской научной среде прослеживается обратный эффект в виде «антиглобалистского» направления. Позиции «антиглобалистов» сводятся к утверждениям об отрицательном влиянии международного уголовного права на национальную уголовно-правовую систему России, об однозначном ущемлении наших интересов в сфере международного уголовно правосудия. Так в преамбуле документа, озаглавленного как «Манифест юриста-антиглобалиста», и вовсе утверждается, что антиглобализм как таковой должен стать «неотъемлемой

составляющей правосознания российского юриста» [11, 182–184]. Справедливые рассуждения о недопустимости двойных стандартов при международном уголовном преследовании, о недопустимости произвольного вмешательства МУС в сферу национальной уголовной юрисдикции и пр. – это важнейшие процессуальные проблемы современной международной уголовной юстиции. Действительно, процедура международного уголовного преследования не просто далека от совершенства. В ряде случаев она представляет собой неоправданное вмешательство во внутренний суверенитет государства. Достаточно еще раз вспомнить, что отказ Индии, Китая, России, США и ряда других ведущих стран от подписания и (или) ратификации Римского Статута МУС основан на неприятии как раз процедурных норм этого документа, ограничивающих национальный суверенитет.

Полагаем, что нельзя согласиться с озвученными призывами к самоизоляции России от участия в формировании системы международной уголовной юстиции. Необходимо использовать все имеющиеся и потенциальные возможности для расширения влияния России (в том числе и юридического влияния) на международной арене. Полагаем, что одним из наиболее действенных инструментов эффективной деятельности нашей страны на международной уровне как раз является ее как можно более активное участие в формировании международного уголовного права и международной уголовной юстиции, выполнять взятые на себя обязательства международно-правового характера (в том числе в уголовно-правовой сфере) либо выходить из таких соглашений при невозможности соблюсти собственные национальные интересы.

В настоящее время международная уголовная юстиция не просто стоит «на перепутье», а переживает глубокий кризис. Прекращение деятельности международных трибуналов «ad hoc» и рудиментарное судопроизводство в МУС только усугубили это состояние.

Для преодоления кризиса необходимо отказаться от ревизии «Нюрнбергского наследия» как единственного и универсального основания современного международного уголовного права. В целях способствования присоединения к постоянно действующему органу международной уголовной юстиции Индии, Китая, России и США считать возможным пересмотр некоторых положений Римского Статута МУС.

В любом случае ни одно государство (группа государств) не может выступать в качестве гегемона при определении «правил игры» и осуществлении международного уголовного правосудия. Россия в целях достижения своих национальных интересов должна принимать самое активное участие в формировании системы международного уголовного права и международной уголовной юстиции.

В целях последовательного развития международного уголовного права и международной уголовной юстиции, предлагаются следующие пути решения отмеченных проблем:

1. Необходимо отказаться от возможной ревизии «Нюрнбергского наследия», которое признано подавляющим большинством государств и является (на текущий момент) единственным универсальным фундаментом для поступательного развития международного уголовного права и международной уголовной юстиции.

2. Для унифицированной квалификации преступлений против международного мира и безопасности человечества, в международной и национальной уголовной юстиции, желателен учет решений международных уголовных трибуналов.

3. Для повышения реальной роли Международного уголовного суда как постоянно действующего органа международной уголовной юстиции возможен пересмотр некоторых положений Римского Статута МУС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Сафиуллина И.П. Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / И.П. Сафиуллина. – Казань, 2003. – 25 с.
2. Cassese's International Criminal Law / A. Cassese [et al.]. – 3rd ed. – Oxford Univ. Press, 2013. – 414 p.
3. Schabas W.A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone / W.A. Schabas. – Cambridge Univ. Press, 2006. – 711 p.
4. Kittichaisaree K. International Criminal Law / K. Kittichaisaree. – Oxford Univ. Press, 2001. – 482 p.
5. Peltonen A. The Role of International Criminal Courts in the Formation of Customary International Law: thesis ... degree of M.L / A. Peltonen. – Univ. of Helsinki, 2013. – 120 p.
6. Maguire P. Law and War: International Law & American History / P. Maguire. – Columbia Univ. Press, 2010. – 349 p.
7. Niemann G.R. Shared Responsibility for the Enforcement of International Criminal Law: thesis ... degree of LL.M / G.R. Niemann. – Adelaide: Flinders Univ. of Law, 2010. – 304 p.
8. Верле Г. Принципы международного уголовного права / Г. Верле ; пер. с англ. С.В. Саяпина. – М.: ТрансЛит, 14. – 910 с.
9. Maguire P. Law and War: International Law & American History / P. Maguire. – Columbia Univ. Press, 2010. – 349 p.
10. Pendas D.O. «I didn't know what Auschwitz was»: The Frankfurt Auschwitz Trial and the German Press, 1963–1965 / D.O. Pendas // Yale Journal of Law and the Humanities. – 2000. – Vol. 12, iss. 2. – P. 397–446.
11. Futamura M. Revising the «Nuremberg Legacy»: Societal Transformation and the Strategic Success of International War Crime Tribunals – Lessons from the Tokyo Trial and Japanese Experience: thesis . degree of PhD / M. Futamura. – London: King's College, 2005. – 354 p.